

Павел БАСИНСКИЙ

Родился в 1961 году в городе Фролове Волгоградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Литературовед, критик, прозаик. Составитель сборников произведений Максима Горького, Леонида Андреева, Осипа Мандельштама, Михаила Кузмина; антологий «Деревенская проза», «Русская проза 1950–1980 гг.», «Проза второй половины XX века», «Русская лирика XIX века». Автор многих книг, в том числе «Лев Толстой: бегство из рая» (2010), «Страсти по Максиму» (2011), «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой» (2013), «Лев в тени Льва» (2015), «Лев Толстой – свободный человек» (2016).

Лауреат премии «Большая книга» (2010), премии Правительства Российской Федерации в области культуры (2014), Государственной премии в области литературы и искусства (2018), премии имени А.И. Герцена (2020). Автор текста «Тотального диктанта» 2019 года.

Живет в Москве.

КОТОЧКА: ОРЛОВСКОЕ ДЕТСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА*

Два Андреевых

В обстоятельствах рождения и первых лет жизни Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) ничто не предвещало, что этот обычный мальчик, родившийся в орловской мещанской семье, в будущем станет автором рассказов «Бездна», «Стена», «Тьма», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех», незаконченного романа «Дневник Сатаны» и других *ужасных* текстов, о которых Лев Толстой в беседе с Максимом Горьким будто бы сказал: «Он пугает, а мне не страшно».

Современная Андрееву критика назовет его произведения «отравленной литературой», будет именовать его «Великим инквизитором», обвинять в аморальности и порнографии. Корней Чуковский соберет целый словарь критических определений его творчества и самой его личности, расположив их в алфавитном порядке. Приведем самые «яркие» из них: *Абракадабра, Белиберда, Вызывает тошноту, Грязная лужа полового извращения, Дегенерат, Жалкий отщепенец, Загаживает человеческую душу, Изувер, Кошунство, Ложь, Мерзкий человек, Набор наигнуснейших слов, Осатанелость, Порнограф, Разбойник пера, Смердное дыхание пошлости, Упадочная глупость, Фальшивые бриллианты, Хулиган, Циник, Шарлатан.*

* Глава из книги «Леонид Андреев: Герцог Лоренцо».

Можно смело утверждать, что ни один из русских писателей не удостоился такой роскошной коллекции критической брани. Но, возможно, и ни один русский автор не имеет такой сплоченной группы преданных поклонников, *леонидандреевцев*. Особенно в среде начинающих писателей, которые «аукаются» его именем как творческим паролем.

...Леонид Андреев родился в хорошей семье. И как во всех семьях, в ней были счастливые и несчастливые дни, светлые и мрачные периоды. Но что неизменно отличало эту семью, так это сердечное отношение ее членов друг к другу. Сошлемся на мнение относительно стороннего человека. «Глубокая привязанность сердца – родовая черта андреевской семьи», – вспоминала невестка писателя, жена его брата Павла Анна Ивановна Андреева.

Эта привязанность сохранялась на всем протяжении жизни Андреевых, в бедности и богатстве, прозябании и славе. И сам Леонид Николаевич не был в этой дружной семье исключением. Мать, сестер, братьев он всегда нежно любил и заботился о них.

Вообще Андреева, в отличие от многих творческих личностей, невозможно представить *без семьи*, без постоянного окружения родных людей. Рядом с ним почти всегда кто-то из близких родственников находился. Только однажды он оказался в одиночестве, без близости родни. Это было в начале 90-х годов в Петербурге во время учебы в университете. И этот короткий, чуть больше года, период его жизни стал для него мучительным. Он закончился бегством в Москву и воссоединением с семьей в одной городской квартире.

Как так случилось, что из орловско-московского домоседа, не мыслящего своих будней без самовара на общем столе (этот самовар его мама, Анастасия Николаевна, привезла ему даже на Капри, и можно вообразить, как этот пузатый тульский самовар путешествовал через половину Европы, а затем морем на экзотический остров), получился бунтарь и ненавистник мещанства во всех проявлениях... кроме, получается, самовара?

Андреев хорошо знал силу привычки. В письме литератору Е.Л. Бернштейну он признался: «Вы правы: я жестокий обыватель. Мне нужен хороший обед, и сон после обеда, и многое другое, без чего прекрасно обходится тот же Горький, отрицающий обывательщину не только мыслью, но и жизнью своею...»

«Было очень много Андреевых, и каждый был настоящий», – писал Корней Чуковский.

Попробуем в них разобраться...

Турчонок

Ранние рассказы Леонида Андреева появляются в конце 90-х годов позапрошлого века, а первая слава приходит в начале 1900-х годов, на заре XX столетия. Это эпоха Серебряного века, или «рубежа веков».

Но не стоит забывать, что детские годы писателя приходятся на начало 70-х годов. Он родился в Орле 9 (21 нового стиля) августа 1871 года. Что такое 1871 год в русской и мировой истории?

В этом году из самых заметных соотечественников Андреева родились будущий религиозный философ Сергей Булгаков, будущий композитор Александр Скрябин и будущий фабрикант-миллионер

Павел Рябушинский. Из иностранных писателей появились на свет Генрих Манн, Марсель Пруст, Теодор Драйзер и Поль Валери. Из скорбных российских дат: скончались декабристы Михаил Бестужев и Николай Тургенев, собиратель русских народных сказок Александр Афанасьев и писатель-народник Федор Решетников – автор повести «Подлиповцы».

В мировой жизни 1871 год очень важен для Европы. В этом году окончательным разгромом французской армии и взятием Парижа закончилась двухлетняя франко-прусская война и появилась объединенная Германская империя. В этой войне погибло более 100 тысяч солдат и офицеров, были убиты почти 800 тысяч мирных жителей, в основном французов. Выяснение отношений между императором Наполеоном III и королем Вильгельмом вылилось в чудовищную межнациональную резню.

В этом же году было официально провозглашено объединение Италии (Рисорджименто) в королевство со столицей в Риме.

Таким образом на карте Европы возникли сразу два новых государства.

А в средней полосе России царили тишь и гладь. Некоторые военные события происходили на самой дальней юго-восточной окраине империи, в Туркестане – поход генерал-лейтенанта Герасима Колпаковского и взятие Илийского края, через десять лет поделенного между Россией и Китаем в пропорции 20 % – России, 80 % – Китаю.

Страной правил Александр II – освободитель и реформатор. Ко времени рождения будущего писателя основные реформы уже были объявлены – отмена крепостного права, земская, судебная и финансовые реформы и реформа высшего образования. Близилась к завершению и военная реформа, закончившаяся введением всеобщей воинской обязанности, уравнившей все сословия Российской империи от крестьянских до дворянских сынов.

Итак, Андреев родился в Орле. С Орловским краем связаны имена Тургенева, Тютчева, Фета, Бунина, Пришвина... Но именно Орловским краем, а не самим городом. Настоящими гражданами Орла могли считать себя только Николай Лесков и Леонид Андреев, детство, отрочество и ранняя молодость которых прошли в этом городе, основанном еще Иваном Грозным как крепость от набегов кочевников и в 1778 году по указу Екатерины Великой ставшем губернским центром.

Андреев любил родной город. Мыкаясь бедным студентом сначала в Петербурге, а затем в Москве, он на летние каникулы всегда приезжал в Орел, чтобы отдохнуть душой.

Орлу посвящены многие страницы андреевской прозы и драматургии. В качестве примера приведем один отрывок из фельетона, напечатанного в московской газете «Курьер» за 1900 год с выразительным заголовком «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», повторяющим название пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена:

Давно это было, давно. Я жил в городе, в котором есть природа, и отсюда понятно, что город этот не был Москвой. В том городе были широкие, безлюдные, тихие улицы, пустынные, как поле, площади и густые, как леса, сады. Летом город замирал от зноя и был тих, мечтателен и блаженно-недвижим, как отдыхающий турок; зимой его покрывала густая пелена снега, пушистого, белого, мертвенно-прекрасного. Он высокими белыми горами лежал на крышах, подходил к самым окнам низеньких домов и немой тишиной наполнял весь город. Точно

с перелетными птицами улетали все звуки на юг, и когда двое людей встретились и разговаривали на улице, голоса их звучали так одиноко и странно...

Мертвенно-тихо было в том городе, где лежал белый снег. Жизнь замирала в занесенных снегом домах, и когда я утром выходил на улицу, мне чудилось, что весь мир окован безмолвием, и до самой дальней линии, где белое небо сходилась с белой землей, не встречал слух препятствий. Казалось, стоит вслушаться внимательнее, и ухо может уловить то, что говорится на другой стороне земного шара. И только раза три в день нарушалась эта мертвая тишина. Один за другим медленно и спокойно выплывали из белой дали звуки церковного колокола, одиноко проносились в немом пространстве и быстро угасали без отзвука, без тени. И я любил слушать их в вечерний сумеречный час, когда ночь тихо прокрадывалась в углы и с мягкой нежностью обнимала землю. Дерево, бывшее в двух шагах от меня, было видно еще отчетливее и яснее, чем днем, но уже тотчас за ним начиналась тьма, призраками делала следующие деревья, а в окне уже горел спокойный теплый огонь, и звуки один за другим одиноко падали на землю и быстро, без тени и содроганий, угасали. И я старался понять значение и смысл таинственных звуков, и мое ребячье сердце видело в них ответ на что-то такое, что еще не ясно было мне самому, что еще только зарождалось в глубинах души.

В этой нежной лирической прозе, кажется, невозможно угадать будущего автора провокационной «Бездны», «экспрессионистской» «Стены» и «святотатственной» «Жизни Василия Фивейского». Это какой-то *другой* Леонид Андреев, которого он сам в какой-то момент своей жизни потерял.

Но внимательный глаз заметит, что здесь трижды повторяется эпитет, связанный со смертью: *мертвенно-прекрасный, мертвенно-тихий, мертвая тишина*. И белый снег вдруг оказывается саваном, а колокольный звон звучит совсем не радостно, как и разговор двух людей на улице, звучащий *одиноко и странно*, словно они встретились в мертвом городе...

Но за что точно должен зацепиться глаз, так это за непонятно откуда взявшегося *отдыхающего турка*.

Что он забыл в Орле? И почему о нем вспоминает Андреев, никогда в своей жизни не бывавший в Турции и вообще нигде на Востоке?

После Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в плену у русских еще находилось свыше 100 тысяч турецких солдат и офицеров. Часть из них размещали в лагерях на юге средней полосы России, в том числе в Тульской и Орловской губерниях.

В биографии Льва Толстого, написанной Павлом Бирюковым, рассказывается, как летом 1877 года писатель и бывший участник Крымской войны встречался с пленными турками: «В Тулу, как и в другие города, стали приходить пленные турки. Л. Н-ч ездил к пленным, помещавшимся на окраине Тулы, на бывшем сахарном заводе. Помещение и содержание их было сносно, но Л. Н-ча интересовало больше всего их душевное состояние, и он спросил, есть ли у них Коран и кто мулла, и тогда они окружили его, завязалась беседа, и оказалось, что у всякого есть Коран в сумочке. Л. Н-ча это очень поразило».

И вот примерно в это же время с пленными турками встречался и Леонид Андреев.

Было мне тогда всего семь лет. Был я постоянно сосредоточен и важен, черен, как сапожное голенище, и дик, как волчонок. Повела меня мать раз в город, ту-рок посмотреть. У одних ворот – я и посеячас помню эти ворота – стояла целая

кучка их. Увидели они меня и, как рассказывает мать, пришли в великий восторг. Ухватили на руки, целуют, передают друг другу и лопочат что-то по-своему, один гладит по голове, другой стал передо мной на корточки, не налюбуется на меня; потом обратились к матери, говорят ей, должно быть, что вот и у них дома такие остались, и руками от земли показывают. Я в свою очередь несколько не потерялся и, с самым важным и невозмутимым видом, принимал их ласки, как будто оно так и быть должно. Одним словом, никогда в жизни не имел я такого успеха у людей – и никогда не доставлял им столько счастья, как в тот момент, среди оторванных от семьи и всего родного, заброшенных на далекую чужбину турок. Дома потом смеялись над этим и называли меня турчком.

Это цитата из дневника Андреева 1897 года. Об этой встрече он помнил целых двадцать лет и описал ее так, словно это происходило с ним вчера. В книге о Леониде Андрееве Василия Брусянина 1912 года также приводится его слова-воспоминание о детстве: «Меня особенно любили пленные турки».

Во внешности Андреева в зрелые годы, жгучего брюнета, черноглазого, с усами и крупным, с горбинкой носом, несомненно присутствовали восточные черты. Думается, окажись он в Турции, легко мог бы сойти за соплеменника. Недаром газетные и журнальные карикатуристы всегда изображали его с гипертрофированно восточными, «турецкими» чертами лица.

Древо жизни

Род Леонида Андреева не имел «ветвистого древа». Родословная по линии отца обрывается уже на деде, личность которого, впрочем, вызывает много вопросов.

«В семье Андреевых всегда были убеждены в дворянском происхождении отца Леонида – Николая Ивановича», – сообщает биограф писателя Наталья Скороход. Однако во всех официальных документах в графе о происхождении Андреев писал: «из мещан».

По семейной легенде, его отец был незаконным сыном орловского помещика и предводителя дворянства Карпова. Этот Карпов, как утверждает Андреев в дневнике, «погиб от своей излишней склонности к женщинам, одной из которых, Барышниковой, своей брошенной любовницей, он был отравлен».

История его связи с моей бабушкой проста: он был помещик, она крепостная девушка-красавица, она ему понравилась, и через девять месяцев на свет явился мой отец. Впрочем, как говорят, он очень любил бабушку, и даже собирался жениться, да судьба, как водится, помешала: ради поправления своих расстроенных финансов и поддержания дворянской чести ему пришлось жениться на каком-то уроде, всё достоинство которого состояло в ста тысячах приданого. Бабушку для очистки совести выдал за какого-то сапожника и, давши отцу кое-какое образование, умер.

В этой дневниковой записи смущают две вещи.

Первое: этот дневник писался, когда молодой Андреев, красавец, но едва ли не нищий, сам имел «излишнюю склонность к женщинам» и пускался во все тяжкие. Получив отказ от Надежды Антоновой, он нахаживался в активном поиске другой невесты. Среди множества девушек и женщин, которых он упоминает в своем дневнике, называются такие, что обладали приличным состоянием. «...Меня любит другая, очень

достойная девица, предлагающая вместе с своей рукой 1 000 000 рублей денег», – не без хвастовства пишет он. В другой записи фигурирует некая М. Шершакова: «возьми меня и 70 000 моего приданого». «На кой черт мне она и ее 70 000?» – пишет он. Интересно: почему о браке по расчету своего «биологического» деда он вспоминает именно в это время?

Второе. Откуда он знал столько подробностей из жизни этого Карпова? Он не был с ним знаком, никогда не был в его доме. При этом о семье его официального деда, «какого-то сапожника», в которой не только был воспитан, но *родился* его отец, мы не знаем почти ничего. И так же мы почти ничего не знаем о его жене – родной бабушке писателя. Мы знаем только, что она была крепостной и любовницей Карпова. Видимо, этими фактами и исчерпывались семейные предания. *Некий Карпов и какой-то сапожник.*

Скупое пишет об этой туманной истории Наталья Скороход: «Мать Николая – крепостную девку Глашу – якобы взял к себе в палаты богатый орловский помещик Карпов и, обрюхатив, выдал замуж за своего дворового Ивана Андреева, а после, как водится, отослал семью подалее от греха в город».

Геркулес Пушкарской слободы

Зато об отце писателя мы знаем много интересного. Это был очень живописный, истинно орловский характер.

Покойный отец мой был человеком ясного ума, сильной воли и огромного бесстрашия, но к художественному творчеству в какой бы то ни было форме склонности не имел. Книги, однако, любил и читал много, к природе же относился с глубочайшим вниманием и той проникновенной любовью, источник которой находился в его мужицко-помещичьей крови. Был хорошим садоводом, всю жизнь мечтал о деревне, но умер в городе.

Эти строки из «Автобиографии» Леонида Андреева подтверждаются воспоминаниями его брата Павла Николаевича, но с существенными дополнениями:

Это был человек ясного и трезвого ума, сильной воли, большой честности и прямоты; был смел и обладал большой физической силой. Был чужд каких-либо мистических или религиозных настроений, – одним словом, это был человек жизни, той реальной жизни, которая требует ясного ума, сильной воли, а когда надо, то и физической силы. В жизни увлекался строительством. Он всю жизнь строил, перестраивал, пристраивал. В начале своей самостоятельной жизни был беден, к концу жизни если и не богат, то обладал во всяком случае большим достатком. В Орле имел большой дом с массой разного рода пристроек, как то: конюшен, амбаров, погребов для вин, птичников и пр. Жил он самой широкой и свободной жизнью, совершенно не считался с мнением общества. На своей Пушкарской улице был «царьком». Его уважали за честный и прямой характер, в то же время сильно побаивались его физической силы, которую не один пушкар испытал на себе. К тридцати годам он стал пить, пить запоем...

Строитель, любитель природы, страстный садовод, кулачный боец и запойный пьяница. Если к этому добавить, что по профессии Николай Иванович был скромным служащим орловского банка, то его личность представляется какой-то фантастической и скорее из мира литературы,

а не реальной жизни. Между тем он вполне органично вписывался в нравы бывшей Пушкарской слободы, где со времен Иван Грозного селились «пушкар» – артиллеристы, защищавшие крепость в случае набега. От этой слободы, в какое-то время утратившей свое значение, пошли и названия двух Пушкарных улиц – 1-й и 2-й.

«Мы все, орловские, проломленные головы», – говорит Цыганок в «Рассказе о семи повешенных».

В рассказе «Баргамот и Гараська», навеянном орловскими воспоминаниями, «проломленными головами» титулуются именно «пушкар», обитатели Пушкарных улиц.

Леонид стал первым ребенком в семье Андреевых, когда она еще снимала скромный флигель во дворе «тарусской мещанки» Анастасии Николаевны Ганьшиной. В этом впоследствии сгоревшем флигеле и родилась будущая звезда литературы начала XX века. Но уже через три года его отец, тогда землемер-таксатор*, закончивший курсы при Орловской гимназии (возможно, как раз на деньги помещика Карпова), поступил на службу в Орловский городской общественный банк.

И тогда дела семьи пошли в гору.

На 2-й Пушкарной улице Николай Иванович приобрел участок земли с ветхим строением. Старое здание снесли, а на месте его построили деревянный дом на высоком фундаменте, в десять комнат, с фасадом с четырьмя окнами. Позади дома был разбит прекрасный сад.

Но на какие средства обычный служащий городского банка возвел эти «хоромы» и, по свидетельству его сына Леонида, проживал несколько тысяч рублей в год, имея своих лошадей?

В статье В.В. Морозова** о государственных банках России второй половины XIX века приводятся цифры ежегодных доходов их служащих на 1875 год:

Управляющий банком – 6000 руб.

Товарищ (заместитель) управляющего – 4 500 руб.

Директор – 3000 руб.

Главный кассир, бухгалтер и контролер – 2000 руб.

Управляющий конторой – 3000 руб.

Директор конторы – 2000 руб.

Старшие кассир, бухгалтер и контролер – 1500 руб.

Это весьма приличные жалования для того времени, тем более в провинциальном городе. До поступления в банк Николай Иванович в качестве служащего на железной дороге получал 15 рублей в месяц. К тому же, как пишет автор статьи, эти зарплаты «были во многом условными, так как руководство филиалов банка имело возможность производить доплаты разным чиновникам».

До середины 80-х годов Орловский городской общественный банк процветал. Его вкладчиками были городская казна и крупнейшие орловские купцы. Но в середине 80-х разразился скандал. По обвинению в подлогах и растратах оказались под судом и были сосланы в Сибирь некоторые члены правления банка. А вот его главный бухгалтер Николай Николаевич Пацковский, родной брат матери Андреева и шурина его отца, устроивший своего родственника в банк, был

* Таксатор — оценщик леса.

** Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. 2013.

оправдан. Ни он, ни его протеже в финансовых преступлениях участия не принимали.

Наверное, еще и за это уважали Николая Ивановича простые жители Пушкарных улиц, или пушкари. За честность. И еще – за трудолюбие. Он вставал обычно в пять часов утра и все свободное от работы в банке время проводил в саду, ухаживая за многочисленными фруктовыми деревьями и ягодными кустарниками.

Эту любовь к садовому хозяйству он прививал и детям. Например, он делал им своеобразные подарки. «Так, когда созревали ягоды и фрукты в его саду, – вспоминал Павел Андреев, – он дарил каждому из нас то по кусту смородины со зрелыми ягодами, то по вишневому дереву. Леониду же всегда дарил, как старшему, целое фруктовое дерево, с самыми лучшими и вкусными плодами. И с того дня уже никто не имел права пользоваться ягодами или фруктами с подаренного куста или дерева, кроме собственника».

В его поведении и привычках было немало эксцентрического и в то же время провинциального. «Во время дождя раздевался, уходил в сад, где и прогуливался по дорожкам полчаса, час, таким образом принимая дождевую ванну. Ходил всегда в красной рубашке, в черных, в сапоги, шароварах, а поверх – поддевка. На голове – картуз».

В красной рубашке изображен и Леонид Андреев на известном портрете кисти Ильи Репина 1905 года. А картуз на голове, сменяемый на зиму барашковой шапкой, был неизменным головным убором его молодости.

Второй страстью отца было строительство. В своем доме и на участке он что-то постоянно достраивал и переделывал и говорил, что когда прекратит строить, то умрет. «И действительно, так и случилось, – вспоминал Павел Андреев. – В тот год, когда он почему-то прекратил всякого рода стройки, – он умер».

Но главным образом Николая Ивановича уважали за его физическую силу, которая особенно ценилась среди пушкарей. О его геркулесовой мощи в Пушкарской слободе ходили легенды. «Силач был первый на всю слободу, – вспоминала его жена, мать Леонида, Анастасия Николаевна. – Когда мы только что поженились, накинула я шаль, иду по мосту, а я была недурненькая, ко мне и пристали двое каких-то... в военном. Николай Иванович увидел это, подошел неспешно, взял одного за шиворот, перекинул через мост и держит над водою... Тот барахтается, Николай Иванович никакого внимания. А я стою и апельцины кушаю».

Одной из забав пушкарей были кулачные бои. «В драке принимали участие до 100 человек, а то и более, – вспоминала сестра писателя Римма Андреева. – Драку обычно начинали мальчишки, и заканчивали ее уже взрослые. Отец из окон нашего дома любил смотреть на эти “турниры”, и часто, стоя вместе с ним, я взглядывала то на дерущихся, то на лицо отца. Постепенно его веселое лицо становилось все суровее. Наконец, он не выдерживал, отстранял меня и выходил на крыльцо. Иногда его появление прекращало бой, когда же это не оказывало должного впечатления, он врзался в толпу дерущихся и своим личным вмешательством прекращал драку».

Леонид в этих драках не участвовал и вместе с отцом за ними не наблюдал. У него были другие игры, о чем расскажем позже. Но храбрость отца в кулачных переделках явно запечатлелась в его душе. Уже в зрелом возрасте Леонид в пьяном виде нередко лез драться, и даже с городовыми, за что попадал в участок. А его потасовка

с Александром Куприным на литературном вечере стала одним из самых громких публичных скандалов начала XX века. Он закончился «третейским судом» и бурно обсуждался в печати.

Пьянство отца... Как ни тяжела эта тема, не коснуться ее нельзя. Пьянство стало лейтмотивом жизни самого Леонида Андреева.

Современная научная медицина отрицает наследственный алкоголизм. Но, как следует из воспоминаний Горького, Андреев верил в свою генетическую предрасположенность к выпивке. «Ты вообще нехороший человек, – говорил он Горькому, – пьешь много, а не пьянешь, от этого дети твои будут алкоголиками. Мой отец тоже много пил и не пьянел, а я – алкоголик».

По воспоминаниям Павла Андреева, Николай Иванович пил запоями. «Тогда всё в доме становилось вверх дном. Тащились из погребов вина, ведрами пиво, и весь дом наполнялся гостями, проводившими с ним пьяные и бессонные ночи».

В трезвом виде Николай Иванович был человеком добрым. Отправляясь в город, мог закупить слободским детям игрушки и раздавать их прямо на улице. Но когда глава семейства уходил в запой, в доме его все боялись. В том числе и Леонид. «Леонид его очень боялся», – вспоминала тетушка писателя Зоя Николаевна Пацковская.

В пьяных выходках отца все же присутствовал какой-то народный юмор – смеховая, или «карнавальная», культура, о которой пишет в книге о Франсуа Рабле Михаил Бахтин, родившийся в Орле четверть века спустя после Леонида Андреева*. Ночью он мог зайти в комнату, где мертвецки спали пьяные гости и пришить их одежды к тюфякам или связать ноги веревками, потом разбудить каким-нибудь резким звуком и хохотать, глядя, как они убегают с тюфяками на спине или валяются на пол со связанными ногами.

Кстати, по воспоминаниям Риммы Андреевой, сообщником в этой забаве был и его старший сын Леонид.

Но пьяные выходки отца не всегда были шуточные, и за это его пытались наказать. «Случилось это так, – вспоминал Павел Андреев: – сидел он у себя в конторе за работой, когда кто-то вызвал его во двор. А когда отец вышел, на него разом набросилось около 10 человек, связали его веревками, отнесли в большую пустую комнату в том же доме, где и бросили, предварительно избив, – избив так сильно, что нижняя челюсть оказалась у него вывихнутой. Не знаю, сколько времени он там пролежал, но кончилось тем, что он выпутался из веревок, выломал дверь и наказал всех, так или иначе принимавших участие в его избиении. А вечером он был пьян и со смехом рассказывал, с каким ужасом все принимавшие и не принимавшие участие в его избиении бегали по темным закоулкам от него и прятались».

Отец умер рано, в 41 год, когда Леонид был в 6-м классе гимназии. Возможно, пьянство и было главной тому причиной. «И здесь он проявил высшую степень хладнокровия, – вспоминал Павел Андреев. – Случилось это во время работы в конторе. У него вдруг отнялась рука. Тогда другой, еще здоровой рукой он кладет больную на стол и просит всех присутствующих бить по ней. Бьют, щиплют, колят булавками – он не чувствует. Спокойно говорит: “Очевидно, пришел Кондратий” (кондрашка). А через полчаса уже был без сознания – удар поразил его

* Его дед, орловский купец Н.К. Бахтин, как раз проходил в суде над служащими орловского банка как обвиняемый в фальшивом банкротстве.

всего. Все же успели вызвать мать и Леонида, которому отец сказал, что так как теперь он остается старшим в семье, то все заботы о матери и всех нас он оставляет на него».

«По словам орловского старожила А.Г. Шиллера, – пишет биограф молодого Андреева Николай Фатов, – незадолго перед смертью Н.И. Андреев вышел на балкон и, протянув к себе ветвь вяза, свил ее наподобие венка. “Когда умру, положите мне этот венок на гроб”, – сказал он жене. Через несколько дней он умер. Жена спилила эту ветвь и положила ему на гроб в виде громадного венка».

Святое беспокойство

Мать писателя Анастасия Николаевна Андреева (в девичестве Пацковская) представляла собой полную противоположность его отцу. Возможно, поэтому личность Леонида словно распадается на две части. Человек недюжинной работоспособности, расчетливый в издательских делах, но склонный к запоям и скандалам, он в то же время вспоминался современниками как человек исключительно мягкий и добросердечный, отзывчивый на дружбу и к тому же природный фантазер, любитель схватывать на лету разные «истории» и талантливо развивать их.

Первая личность была от отца, вторая – от матери.

В семье ее называли Рыжиком, хотя рыжей она не была, обычная шатенка. Были и другие домашние прозвища: «Топтун-Шептун», «Рыжий дьявол», «Соломон с Горбатого моста». Они появлялись в зависимости от причуд ее поведения и менялись на протяжении всей ее жизни, неотделимой от жизни ее старшего сына. Сам Андреев говорил о ней: «святое беспокойство».

Мать сыграла в жизни писателя огромную и продолжительную роль. Причем роль исключительно благотворную.

Ее видели рядом с ним *всегда*. И когда они жили в бедности, и когда в богатстве. В Орле, в Москве, в Петербурге, за границей. На Капри и в Финляндии. И сама пережила его всего на два года, потому что без сына жизнь лишилась для нее смысла.

О происхождении Анастасии Николаевны мы знаем чуть больше, чем о родословной отца, но тоже мало и тоже в основном по семейным преданиям. В семье считалось, что она из обедневшего польского дворянского рода. Чуть ли не графского. Старший сын Андреева Вадим в своих воспоминаниях пишет, что брат бабушки Николай Николаевич Пацковский подумывал хлопотать о восстановлении графского титула, но отказался по причине слишком дорогой цены за услугу – 4 000 рублей.

Но в семье ее почему-то называли «поповной». Считалось, что она была дочерью православного священника. Но не очень вяжется с версией о польско-дворянской и, следовательно, католической родословной по отцу. Биографы Андреева Людмила Кен и Леонид Рогов предположили, что из семьи священника была мать Анастасии Николаевны. Ее отец-поляк женился на дочери русского попа, отсюда и пошло – «поповна». Это согласуется с тем, что Анастасия Николаевна была малограмотна и училась только в церковно-приходской школе. Она писала с чудовищными грамматическими ошибками.

Вот отрывок из ее позднего письма из Финляндии своей родственнице Софье Дмитриевне Пановой:

Милоя моя Соничка

прасти что долга тебя неписола приехоли мы хорошо дома всех зо-столи здоровыми неделя прашила не заметна а потом была горя Лену-ша очень сильна прастудился так что боялись что б небола восполь-ня легких бронхит уже ночолся неделю была температура 39 и 4 деся и утром и вечером сночала его лечил доктор здешний и потом привизли с петербурга которой ночевоу у нос успокойл что воспольня легких нет и не будить но конечно радости нашей конца не бола но выздоровления его идеть очень скверно вот уже больши недели кок он встал чувст-вуйть себя очень не хорошо нервы слобость опять был Доктор теперь он сейчос в петербурги только что он встал это была понедельник как наша Анно ильйнешна обявила что она чувствуйть себя не хорошо...

Замечательно, что в этом письме, где нет почти ни одного грамотно написанного слова, ни одного знака препинания и ни одной прописной буквы в начале предложения, прекрасно передана атмосфера дома, где все вдруг разболелись.

Этот талант матери не без юмора признавал и ее старший сын. В письмах к ней он любил подшучивать над ее неграмотностью, но в то же время ценил литературное своеобразие ее «крючочек».

Вот его письмо матери из Вамельсуу во время одной из нечастых разлук с ней:

Светлейший мой рыжикончик!

Твои письма – образец вместиельности. При полном отсутствии знаков препинания слог твой краток, силен и в то же время богат под-робностями и чисто стилистическими украшениями. Минутами ты напоминаешь Шекспира в лучшие его минуты, но чаще уподобляешься Гомеру в его величавом эпическом спокойствии. По содержанию же – каждое письмо твое неисчерпаемо и разнообразно, как энциклопедиче-ский словарь Эфрона. Все, что волнует мир, находит для себя богатое отражение в твоих трудах, вмещающься иногда только в одной или двух каракулях.

Анастасия Николаевна писала неграмотно, но читала много, как и отец Андреева. Вообще в провинциальной среде чтение было чуть ли не единственным развлечением для домохозяек, заменяя им карты и бильярд, которыми после службы увлекались их мужья.

«Насколько отец смотрел на жизнь ясными и трезвыми глазами, на-столько для матери жизнь была полна загадок и чудес, – утверждает Павел Андреев. – Она любила всякого рода сказки, фантастические рассказы, небылицы и в конце жизни зачитывалась такими писателями, как Конан-Дойл и Понсон-дю-Террайль...»

Забывтый ныне французский писатель XIX века Понсон-дю-Тер-райль был создателем персонажа-авантюриста по имени Рокамболь. «Рокамболь» на французском означает «чесночный лук». Это имя ста-ло нарицательным для любого разбойника и мошенника. В то же вре-мя «рокамболь» – одна из старинных карточных игр и один из самых сложных приемов игры в бильярд – рикошетом шара по нескольким бортам.

В России серия романов о Рокамболе была невероятно популярна во второй половине XIX и начале XX века. Чтение этих переводных книг среди людей высокообразованных считалось признаком дурного вкуса, но увлечение ими в провинциальной среде было легко объяснимым.

Впрочем, в любви к романам Понсона-дю-Террайля признавались и некоторые известные писатели – Валерий Брюсов, Максим Горький, Самуил Маршак и Варлам Шаламов. В «Рассказах о детстве» Шаламов вспоминал, как был наказан своим отцом-священником за чтение «Похождений Рокамболя»: «Я был тут же выдран за уши. Мне было запрещено приносить Рокамболя в квартиру, квартиру – где, подобно Рокамболю, изгонялся Пинкертон* и Ник Картер** и пользовался почетом Конан Дойль. Конан Дойль, конечно, был получше Понсон дю Террайля, но и Понсон дю Террайль был неплох. Рокамболя же мне пришлось дочитывать у кого-то из товарищей».

Герой-авантюрист прочно поселится в произведениях самого Андреева: «Тьма», «Савва», «Иуда Искариот», «Сашка Жигулев»... Другое дело, что его герои пускаются в приключения не ради наживы или самой игры, а движимые «горячей» идеей, подобно персонажам Достоевского. Они авантюристы не столько по своим поступкам, сколько по своему протестному отношению к миру. Их задача не обмануть мир, а «взорвать» его. Иногда – в буквальном смысле, как в пьесе «Савва» с ее героем-«бомбистом».

Прозаик Викентий Вересаев описал Анастасию Николаевну так: «Мать – типичнейшая провинциальная мелкая чиновница. В кофте. Говорит: “куфня”, “колдовая”, “огромадный”; “Миунхен” вместо “Мюнхен”. На Капри томится».

Иначе писал о ней ее сын Павел: «По природе была веселая, живая, но иногда в недоумении и страхе останавливалась перед картинами, созданными ее же фантазиями. А к концу жизни – жизнь стала для нее сплошной загадкой, полной всяческих ужасов и страхов».

Интересно, что если в этом описании поменять женский род на мужской, мы получим психологический портрет... Леонида Андреева. Именно таким его вспоминали Максим Горький и Борис Зайцев – как веселого и жизнерадостного по природе человека, но испуганного собственными мрачными фантазиями.

Павел Андреев утверждал, что мать была талантливой рассказчицей: «Рассказывала изумительно красочно, образно, ярко. Рассказ любила прикрашивать и к былям прибавляла несчетное число небылиц. Правда в ее рассказах так переплеталась с выдумкой, фантазией, что невозможно было отделить одно от другого. И это сплетение правды с фантазией и было ее действительной реальной жизнью».

В биографической справке 1910 года Леонид Андреев писал:

Я плохо знаю моих восходящих родных: большинство из них умерло, либо безвестно затерялось в жизни, когда я был еще маленьким. Но насколько могу судить по тем немногим данным, которые дало мне наблюдение, мое влечение к художественной деятельности наследственно опирается на линию материнскую. Именно в этой стороне я нахожу наибольшее количество людей одаренных, хотя одаренность их никогда не поднималась значительно выше среднего уровня и часто, под неблагоприятными влияниями жизни, принимала уродливые формы. Бескорыстная любовь к вранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдают обитатели наших медвежьих углов, часто бывает неразвивавшимся зародышем того же литературного дарования.

* Герой-сыщик из серии популярных в начале XX века романов анонимного немецкого автора, прототипом которого послужил реальный американский детектив Алан Пинкертон.

** Герой-сыщик из популярной в начале XX века серии дешевых американских «романов с продолжением».

Анастасия Николаевна что-то предчувствовала в судьбе ее первенца. Леонида она любила гораздо больше остальных детей – Павла, Риммы, Всеволода, Зинаиды и Андрея. После Леонида она родила девятерых, но половина ушли из жизни младенцами.

В то же время в этой любви было что-то ненормальное. Например, она панически боялась за его жизнь. Павел Андреев вспоминал, что, когда Леонид с другими детьми шел купаться на реку, мать отправлялась с ним, «веревкой привязывала его за ногу или за талию, как поросенка, и тогда только пускала его в воду; но тотчас же тянула обратно за веревку, когда Леонид, как ей казалось, уходил очень далеко. А река-то в том месте была что ручеек, и все мальчишки вброд, по щиколотку переходили ее».

В этой веревке есть что-то символическое. Какая-то незримая связь, как пуповина, связывала Андреева с его матерью на протяжении всей жизни, даже когда ее не оказывалось рядом. Порой она спасала его от смерти. Во время учебы в Петербурге Андреев всерьез думал о самоубийстве. И вот его запись в дневнике в ночь с 21 на 22 октября 1891 года:

Одна только мать удерживает от самоубийства... Жалко мне маму. Бедная она бедная. Ждет меня не дождется, одна, небось, меня теперь во сне видит. Ну, как убить себя? Дождалась, – привезли сына холодного, мертвого. Нет больше сына. Нет больше и жизни. И ради кого убью я эту бедную несчастную, больную маму? Я не могу, не могу.

Сестра Римма приводит рассказ брата о том, как в Петербурге, устав от безденежья, голодный, он пошел к Неве, чтобы утопиться, но вспомнил, что ждет письмо от матери. Вернувшись он увидел конверт, в который было вложено три рубля.

Тема потери любимого сына станет ключевой в творчестве Андреева. Она появится в двух его главных произведениях – «Жизни Василия Фивейского» и пьесе «Жизнь Человека», а также в пронзительном по трагизму рассказе «Великан».

В его обширном эпистолярном наследии письма к матери занимают особое место.

Пятьдесят лет, знаешь, это немало, а мы с тобой почти 50 лет вернейшие друзья, начиная с Пушкарной и кончая холодными финскими скалами. На твоих глазах я из Кота в сапогах и узляка превратился в российского писателя, пройдя через пьянство, нищету, страдание; на моих глазах ты из молоденькой женичины стала «бабушкой», также пройдя сквозь страдания, нищету и проч. И что бы ни было с нами, куда бы ни заносила нас судьба, высоко или низко – никогда мы не теряли с тобой самой близкой душевной связи. Приходили и уходили люди, а ты всегда со мной оставалась, всё та же – верная, неизменная, единственная. Я знаю хорошие семьи, где существуют хорошие отношения между родителями и детьми, матерью и сыновьями, но таких отношений, к а к у н а с с т о б о ю, я, по правде, не встречал.*

Конец жизни Анастасии Николаевы сложился трагически. Она пережила большинство своих детей. В 1905 году умерла дочь Зинаида, в 1915-м – ушел из жизни сын Всеволод, а в годы Гражданской войны пропал без вести самый младший Андрей. Но ни одно из этих печальных

* В Орловской губернии так называли младенцев, завернутых в пеленки.

событий не отразилось на ней так, как смерть ее любимого сына Леонида. Так случилось, что именно в этот момент ее не было рядом с ним...

Когда она узнала о его смерти, она сказала: «А я думала, что он бессмертный».

Любимчик

Детство Андреева до смерти его отца было абсолютно счастливым. Но в его произведениях мы почти не найдем картин счастливого детства, как находим их в творчестве С.Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»), Л.Н. Толстого («Детство»), И.С. Шмелева («Лето Господне»), А.Н. Толстого («Детство Никиты»). И даже развернутых картин ранних лет жизни, пусть и тяжелых, как в повести Горького «Детство», мы не найдем. То ли они не оставили в его памяти ярких воспоминаний, то ли сама его творческая природа противилась тому, чтобы переносить их на бумагу.

Но может быть и третье объяснение, которое представляется наиболее вероятным. После смерти отца и обнищания семьи жизнь Леонида, на которого упала главная забота о близких, была столь горька, что раннее детство виделось ему только прелюдией к этой жизни. В этих счастливых годах было что-то заведомо роковое.

В рассказах Андреева дети – не обеспеченные мальчики, баловни родителей, каким он сам был до шестого класса гимназии. Это забытые нуждой, несчастные существа. Если им и перепадает радость, как в рассказах «Ангелочек» или «Петька на даче», то очень ненадолго, и заканчивается это всегда плохо. Восковой ангелочек с новогодней елки растает на печке, а кухаркиного сына Петьку заберут с чудесной дачи и вернут в парикмахерскую, где его опять будут бить и заставлять работать, где он будет ночевать в темном углу с таким же, как он, мальчишкой из бедной семьи.

Если и появляется в прозе Андреева барчук, которому ни в чем не отказывают родители, как в рассказе «Алеша-дурачок», то и он не будет счастливым. Перед его глазами вечным укором будет стоять этот Алеша, а Алешу опять-таки все бьют, отнимают у него деньги и тому подобное. В рассказе «Валя» ребенок живет в обеспеченной семье, но у приемных родителей. Родная мать бросила его ради любовника. В конце концов она заберет его, но это будет насилием по отношению к сыну, и совсем, совсем не в радость...

А в более позднем рассказе «Жизнь Василия Фивейского» один ребенок утонет в реке, а второй родится уродом и ничего, кроме несчастья, родителям не принесет...

Почему же писатель, чуткий к детской психологии и умевший прекрасно ее отображать, не позволял своим маленьким героям радоваться жизни, любить родителей и быть любимым, как было в раннем детстве самого Андреева? Это остается загадкой его творчества.

Леонида в семье любили решительно все.

Самое удивительное – отношение к нему отца, который успел застать его только ребенком и подростком. Брат Андрей вспоминал:

Как -то я сказал Леониду:

– Как мне обидно за отцов, которые умерли, когда их сыновья – будущие писатели – еще дети. Отец Толстого умер, когда Левочке было всего 9 лет. И он даже не подозревал... Как жалко, что наш отец умер так рано.

Леонид ответил так:

– Не совсем так. Отец будущность мою предвидел настолько, что я считаю его первым поклонником своего таланта. Не могу сказать, в чем это выразалось явно, но отец как-то выделял меня среди других, и не только одною любовью. Обычно самовластный, резкий, он был со мною уступчив, почти вежлив; какая-то тень почтительности и уважения проскальзывала в его ко мне отношениях...

И если бы он сейчас воскрес и увидел бы, что есть, он несколько не удивился бы. Скорее даже, что он отнесся бы так: только-то? – я ожидал большего.

Но молодой Андреев однажды задумался, насколько это семейное обожание было благотворным для его воспитания. Вот запись в его раннем дневнике:

Из меня всеми возможными способами готовили барича, удовлетворяя мои самые вздорные желания и отнимая всякий повод к самостоятельному достижению чего бы там ни было. Мой характер проявлялся в капризах. И теперь капризы заменяют характер. Не встречая никогда отпора в своих желаниях, я при первом же мало-мальски серьезном препятствии, не имея ни малейшей подготовки к нему, должен был позорно сложить оружие, которым оделила меня природа. Все вело меня к этому: репетиторы, без которых я не мог и шагу сделать, и удача, сопровождавшая мои первые шаги на жизненной арене. Все меня любили, и родители гордились и восхищались мною, показывали меня для той же цели знакомым, заставляя или распевать Пушкирские песни, которые я, восьмилетний мальчуган, знал в невероятном количестве, или показывать свои рисунки, действительно порядочные для моего возраста. Моя изумительная страсть к чтению, благодаря которой я восьми лет стоил пятнадцатилетнего, удовлетворялась самым беспорядочным и вредным образом. Возмужавши раньше времени умственно, я узнал потребности, которых не мог удовлетворять, будучи еще ребенком, и должен был всецело положиться на взрослых... Выйдя из детства и вступив в жизнь совершенно не подготовленным к той борьбе, которая составляет самое ядро, самую квинтэссенцию жизни, я на первых же порах должен был упасть духом, не имея силы для преодоления самого паршивого препятствия, а вместе с тем обладая привычкой к скорейшему и обязательному исполнению всех своих желаний.

Вождь краснокожих

Но вернемся в его ранние годы. О характере маленького Андреева остались противоречивые свидетельства. Сам он в разговоре с писателем и критиком Василием Брусняниным говорил, что был «оптимистом до 10 лет». Но с детского портрета на нас смотрит мальчик с очень серьезным и печальным взглядом. По словам матери, Леонид «уже в детстве был очень серьезным».

«С детских лет характер Андреева поражал неровностью», – пишет Николай Фатов. А двоюродная сестра писателя Зоя Пацковская вспоминала:

Помню его лет с 5-ти, с того времени, как помню и себя. Ребенком он или шалил так, что «хоть святых вон выноси», или же сидел и читал, читал все подряд, что ни попадется, но особенно любил приключения и путешествия – Майн Рида, Жюль Верна и т. п. Увлекался необычайно индейцами...

Именно из-за его любви к индейцам дети Андреевых и Пацковских часто играли «в краснокожих». Причем вождем племени был, разумеется, Леонид.

Однажды собрал всю нашу компанию, было нам всем лет по 8–10, велел всем раздеться догола, вымазал нас всех глиной, вывалял в перьях, которые повыдергал из кур, и стал готовить нападение. Сказал, что белые близко, что мы должны напасть на них, и тогда, говорит, «попируем». У нас в это время были гости, очень много народу, и все сидели в беседке, пили чай. Леонид велел нам тихо подползать; мы ползли, ползли, не дышали, боялись его послушаться – что бы он ни велел, мы всё беспрекословно исполняли, – окружили беседку. Наконец, Леонид с гиками бросается на гостей, и мы все за ним. Среди гостей была одна дама в интересном положении, с которой сделался обморок от страха, да и все гости от неожиданности сильно перепугались. Леонид был очень доволен произведенным эффектом, но отец на него страшно рассердился и хотел его высечь. Тогда Леонид убежал и залез на дерево. И никакие уговоры не могли заставить его сойти. Говорил: «скорее умру с голоду, чем сдамся». Он считал себя предводителем шайки краснокожих, и всякое малодушие для себя считал позором. Так его и простили.

В этой, на первый взгляд, забавной детской шалости останавливают внимание три момента. Первый – с каким хладнокровием 8–10-летний мальчуган вырывает перья у живых кур. Второй – до какой же степени он был избалован своими родителями, если мог вовлечь других детей в такую шалость и не бояться при этом сурового наказания. И наконец, так мог вести себя не просто баловень, но прирожденный подростковый лидер, уверенный в том, что его сверстники будут беспрекословно исполнять его волю.

«В другой раз, – вспоминала Зоя Пацковская, – помню, увел он нас на богомолье, в Киев. Мы жили на даче, недалеко от Орла, и около нас по большой дороге часто проходили богомольцы с котомками в Киев. И вот нарядил Леонид всю нашу братию богомольцами, заставил разуться, взял палки, узелки и повел, но... вместо Киева, привел нас в Орел, и мы явились к Андреевым; никто нас, конечно, не ждал, тем более в таком виде, все тоже пришли в ужас, и ему опять за это сильно попало».

Судя по этим воспоминаниям, Андреев в детстве отличался бойким и веселым характером. Заводила во всевозможных играх, выдумщик, он уже тогда имел склонность к «театральности», в чем угадывается представитель нового театра начала XX века.

О любви брата ко всякого рода «представлениям» вспоминал и Павел Андреев. Он видел в этом влияние матери:

Обладая большой творческой фантазией, красочностью рассказа, она и детскую жизнь Леонида наполнила самым фантастическим миром, миром сказок, подвигов героев. Поэтому детская, когда Леониду исполнилось 4-5 лет, уже перестала удовлетворять его – ему было в ней тесно; игрушки мертвы и неинтересны. Вся квартира стала его полем действия. Не было ни одного предмета во всех комнатах, который он оставил бы в покое, кроме разве тех, которые он сам не в состоянии был сдвинуть с места, да и тем отводил место в своих играх. А в летние дни он имел целые армии рыцарей из мальчишек с улицы, с которыми и совершал разные героические подвиги. Играми же всегда руководил сам и на груди всегда имел знаки отличия. И костюмы его были самые фантастические. Были рыцарские костюмы, с латами и шлемами, с кавказскими кинжалами и серебряным поясом. Были зеленые, синие, красные и шитые серебром и золотом всякого рода шапки, маски, пики.

В то же время, вспоминала Зоя Пацковская, «иногда, даже на маленького, на него находило мрачное настроение, тогда – лучше не подходи!

То же было и когда вырос. В хорошем настроении он бывал весел, что называется, душа общества, постоянно шутил, веселил всех, выдумывал разные истории, но вдруг становился мрачным, и тогда уже уныние на всех напускал, так что становилось прямо неприятно. Иногда он и уходил в таком состоянии из общества, чувствуя, что становится всем в тягость. А когда весел, – то остроумен, интереснейший собеседник. И любил компанию. Любил также всякий спорт – кататься на коньках, на лодке, на лыжах».

Вместе с унаследованными от матери творческими способностями он, как и его отец, отличался физической силой и ловкостью, что было важно для мальчика, росшего в Пушкарской слободе среди «проломленных голов». Слобода считалась не самым захудалым районом Орла, но нравы здесь царили самые простые. В воспоминаниях Павла Андреева подробно описывается жизнь 2-й Пушкарной улицы:

Улица эта находилась на самом краю города и трудно была проходимой от сугробов снега зимой, осенью – от грязи. Зато весной она покрывалась вся зеленым ковром, по которому в большом количестве бродили куры, гуси, свиньи. И с этого же времени вплоть до глубокой осени жители этой улицы все свое свободное время проводили на ней. Это было горячее и живое время года, длившееся ровно шесть месяцев. Здесь можно было видеть похоронные и свадебные процессии, драки, набеги на чужие огороды и сады. Бунты «гожих»* и всякие непристойные сцены. Народные праздники, как например, «Мокрый спас», когда все поливали друг друга водою, опускали на веревках в колодцы, когда парни загоняли в костюмах целые партии девушек в реку. Разные семейные сцены, любовные и нелюбовные, вплоть до ссор и драк между супругами. А вечерами игра на гармониках, хороводы.

В Пушкарской слободе была и своя этика. Здесь презиралась трусость, нельзя было бить лежачего, и здесь не любили *богатых*. При этом сами Андреевы, как и их родственники Пацковские, бедными не были, но и богатыми их считать тоже нельзя. Все немалое жалование Николая Ивановича тратилось на нужды многочисленной семьи, и никаких сбережений на «черный день» не оставалось. Когда глава семьи неожиданно умер, у Андреевых не было ничего, кроме заложенного дома.

Презрение пушкарей к *богатым* проявлялась своеобразно. Их определяли по внешнему виду, а не по реальному содержанию их кошельков. Судя по воспоминаниям Павла Андреева, это была скорее нелюбовь к городским щеголям, случайно забредшим в Пушкарскую слободу. Как если бы житель центральной части Москвы XIX века забрел в Замоскворечье.

«Между прочим, – пишет Павел, – нелюбовь к “барину”, к его пиджаку, белым перчаткам, к белому, накрахмаленному, с галстуком, воротничку доводила ребят этой улицы до неистовства. Попробуй пройти в то время по этой улице такой “барин”! Да его запьют, забросают камнями, засмеют. И странно, этот пиджак с его обязательным белым накрахмаленным воротничком так и не пристал в будущем к Леониду. Брюки, рубашка темная с отложным воротником – вот обычный костюм его, которому он не изменял никогда».

Это не совсем верно. Вторым «имиджем» Андреева, когда он уже был известным писателем, стала темная бархатная куртка. Но есть его

* Непонятно, кого имел в виду Павел Андреев. *Гожий* — устаревшее от «годный», «пригодный к работе».

фотографии и в костюме с белой сорочкой, и с накрахмаленным воротничком. Правда в том, что классический Андреев, как мы его обычно представляем, действительно не похож на «барина» и «интеллигента». Народная рубашка, белая, расшитая на украинский манер, или красная, подпоясанная ремешком, или бархатная куртка «художника» – вот его привычный внешний облик. А насколько это можно считать подлинно народной чертой – такой же спорный вопрос, как народность «толстовки» Льва Толстого.

Купер и Молешотт

И все-таки главной его страстью были книги. Читать он начал рано, с шестилетнего возраста, и, как только это стало возможным, записался в городскую библиотеку. По словам его брата Андрея, книги выбирал такие, которые отвечали двум условиям: «если у них было пылкое название и если цена книги не была меньше рубля. Тонких книжонок терпеть не мог. Часто, увлеченный необычайной ценою книги, он выписывал какие-то научные труды, непосильные и взрослому».

Вероятно, именно так в раннем возрасте он прочитал популярную в России книгу голландского физиолога и представителя «вульгарного материализма» Якоба Молешотта «Учение по пище». Молешотт напрямую связывал социальную, умственную и даже духовную деятельность человека с той пищей, которую он принимает, по принципу «мы то, что едим», известному еще с античных времен. Но Молешотта явно заносило, когда «учением о пище» он объяснял особенности национального характера.

«Овощи, – утверждал Молешотт, – будучи употребляемы в пищу одни, весьма недостаточно вознаграждают вещества, израсходованные кровью, чем и объясняется недостаточное питание тканей при исключительном употреблении растительной пищи. От такого рода пищи не только обессиливают мускулы, но терпит и мозг, получая скудное вознаграждение. Этим объясняется нерешительность и малодушие индусов и других тропических народов, питающихся исключительно одними овощами»*.

Но главное направление его интересов в это время – приключенческая и фантастическая литература. Джеймс Фенимор Купер, Майн Рид, Жюль Верн... Эти книги он читал не просто так. В манере его чтения также отразились театральные наклонности мальчика, тоже привитые его матерью, заядлой орловской театралкой, не пропускавшей ни одной премьеры знаменитого Орловского драматического театра, учрежденного графом Сергеем Михайловичем Каменским в 1815 году. На эти представления Анастасия Николаевна всегда брала с собой Леонида.

«Книга была для Леонида самою жизнью и при чтении требовала определенных декораций, поз... – вспоминал брат Андрей, – голый и вымазанный в сажу, Коточка разваливался на полу среди развешенных

* Книга Молешотта, переведенная и изданная в России в 1863 году, считалась очень революционной. Выдержав несколько изданий, она была запрещена к распространению вместе с сочинениями других философов-материалистов после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II в апреле 1866 года. «Фогт, Дарвин, Мо-лешотт, Бокль — соучастники каракозовского дела. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцев. Вот до какой тупости довели нас духовные министры и бездушные крикуны казенных журналов», — писал Герцен.

на стульях одеял и вздыбленных подушек, с копьём в руке, с пером в волосах... В таком “вигваме” он ждал обычно Купера. И читал его здесь же, лежа: ведь нигде не сказано, чтобы индейцы сиживали за столом, покрытым скатертью».

К этой особенности детского чтения, как и к тому, что излюбленным местом для поглощения книжных страниц была крыша их дома, откуда открывался прекрасный вид на окрестные сады и речку Орлик, не стоит относиться снисходительно. Стирание границ между реальностью и сумасшедшей фантазией станет едва ли не главной особенностью творчества Леонида Андреева. Наиболее зримые образы в его прозе именно самые фантастические. Он признавался брату Андрею:

Сию , читаю, и вдруг, без всякого основания, по-видимому, перед глазами у меня – так ярко представление, что кажется реальным – листок неведомого мне тропического дерева: и я не ошибаюсь – по двум-трем лучам солнца – по нескольким смутным очертаниям дерева, я ясно сознаю, что листок тропический... Или вот то странное чувство, которое я испытываю постоянно: это чувство всей земли. Я стою вот здесь, в кабинете, а помню и ощущаю вокруг все земли: Европу, Азию, Америку...

Он никогда не бывал ни в Азии, ни в Америке. Его зримое ощущение этих земель могло быть только результатом книжного опыта или подсознательных импульсов. Но такова уж была природа его писательского дара. Наиболее убедителен он был именно в тех картинах, которые рисовало его свободное воображение, а не привязанность к настоящей реальности.

Но однажды реальность грубо напомнила о себе. Это случилось, когда умер его отец и семья вдруг оказалась на грани нищеты. В тот год и закончилось детство...